

ЭО, 2010 г., № 6

© М.А. Рыблова

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: К ВОПРОСУ ОБ “ИСТОКАХ” И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ*

Ключевые слова: история донского казачества, этничность, социокультурные особенности, современное состояние

В статье культура и история донских казаков с XVI до начала XXI в. рассматривается через призму теории социокультурных трансформаций. Автор выделяет четыре этапа трансформационных процессов на Дону и прослеживает изменения социокультурной модели казаков в рамках каждого из них.

Народ, сословие, субэтнос?

Вопросы происхождения донского казачества и его идентификации обсуждаются в отечественной науке с давних пор. И дореволюционные ученые, и современные исследователи много спорили о времени формирования донского казачества и о том, к какой категории социальных или этнических общностей нужно его относить. Анализируя теории и версии происхождения донских казаков, Н.А. Мининков пришел к выводу, что они укладываются в рамки двух основных концепций: автохтонной и миграционной (Мининков 1990: 301–302). “Автохтонники” пытаются доказать, что донское казачество связано своим происхождением с каким-то этносом (или несколькими этносами), издревле проживающим в пределах Дикого Поля. В таком случае принято говорить о казачестве как о самостоятельном этническом образовании, обладающем самобытной культурой. При этом время образования донского казачества определяется и скифской эпохой, и временем становления Древней Руси (Г.З. Байер, А.И. Ригельман, А. Попов, В.М. Пудавов, Е.П. Савельев и др.); в современной популярной литературе “род казачий” ведется и от Рождества Христова. Особенно много сторонников того, что казачество изначально формировалось как отдельный народ, появилось в последние 20 лет среди участников так называемого возрожденческого казачьего движения (см.: Сборник 2005: 86–88; Федотов 2003 и др.). Ростовские исследователи А.П. Скорик, В.П. Трут и С.В. Черницын полагают, что донское казачество изначально складывалось как этническая общность, но процесс этногенеза был искусственно прерван включением Вольного Дона в состав Российской империи (Казачий Дон 1995: 12–23; Черницын 1992). Большой популярностью среди части исследователей пользуется теория этногенеза Л.Н. Гумилева. Применительно к казакам тогда речь идет о “казачьей пассионарности”, выражаемой в особом “казачьем духе”, или о “развитии пассионарного генотипа этноса казаков” (см.: Глущенко 2006: 78; Водолацкий и др. 2005: 53).

Марина Александровна Рыблова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЮНЦ РАН, доцент ВолГУ; e-mail: ryblova@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ “Социокультурные трансформации на Дону и их отражение в исторической памяти донских казаков” (грант № 06-01-00597), а также в рамках подпрограммы фундаментальных исследований “Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона” Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез”.

Представители миграционной теории считают, что казаки были изначально связаны с Российской государственной системой, за рамки которой их предки настойчиво стремились выйти, и в таком случае культура раннего казачества рассматривается как логическое продолжение русских традиций (С.М. Соловьев, И.П. Сахаров, Л.Б. Заседателева и др.). Сторонники “миграционного” происхождения донских казаков долгое время настаивали на их бегло-холопском происхождении. Впоследствии большинство историков пришло к мнению, что состав ранних казачьих общин был весьма пестрым в социальном отношении, но со временем стали преобладать представители служилых категорий населения России, хорошо знавшие военное дело (*Скрынников* 1986: 125–126, *Станиславский* 1990).

В советской этнографии донское казачество долгое время называли локально-территориальной группой в составе русского народа, этнографической или “своеобразной социальной группой с характерными чертами быта и культуры” (*Токарев* 1978: 259). В 1980-е годы специалистами-этнографами все чаще стал использоваться термин субэтнос (этническая группа), предложенный в свое время применительно к донским казакам Ю.В. Бромлеем (*Бромлей* 1981: 48). Исследователи, изучающие современное “возрождение казачества”, также расходятся в определении его сущности. Те, кто считают, что казаки изначально формировались как этнос или субэтнос, говорят о новом возрождении этничности после периода сословности. Исследователи, изучающие современное казачье возрожденческое движение, хотя и признают за казаками “этнокультурную самобытность”, тем не менее склоняются к определению его в качестве “особой социальной общности” (*Озеров* 2006: 91, 93).

Вопрос о том, к какой категории социальных, этносоциальных или этнических общностей отнести казачество, остается злободневным и в настоящее время. Более того, его постоянно приходится слышать на научных конференциях и различных культурных мероприятиях, связанных с казачьей тематикой. Ответ на этот вопрос является своего рода лакмусовой бумажкой, дающей возможность безошибочно определить, к какому “лагерю” принадлежит ответивший. Признавший за казачеством статус народа, скорее всего, услышит рукоплескания и крики “Любо!”, ответивший иначе – рискует оказаться в изгоях. Чаще всего вопрос-проверка формулируется в таком виде: “Считаете ли вы казачество особым народом?”. Но недавно на одной из конференций, проходившей в г. Волгограде, из уст лидеров казачьего движения мне пришлось услышать: “Ответьте прямо, казачество – это сословие?”. Человеку, искушенному в сложных перипетиях современного казачьего движения, такая метаморфоза может сказать о многом. Впрочем, о причинах этой метаморфозы мы еще поговорим далее.

Сейчас же обратимся к мнению С.М. Маркедонова, который, подводя итог размышлениям об основных проблемах историографии казачества, заключал: «Казачество не было раз и навсегда заданным феноменом. Казаки не были не исключительно консерваторами-государственниками, ни разрушителями. Определение казачества нельзя свести к общим формулам типа “субэтнос” или “сословие”. И в первом, и во втором случае нужны оговорки, какую группу казачества и в какой период его истории мы беремся анализировать для доказательства его “сословности” или “субэтничности”. Отсюда и сложности с идентификацией самых главных для казачеведов понятий “казак” и “казачество”. На сегодняшний день и “казак” и “казачество” будут представлять из себя определения, включающие в себя несколько определений. Казачество было сложным и многоплановым социально-политическим и социокультурным феноменом восточноевропейской (евразийской) истории. Оно существовало в форме различных по целям, задачам, идеологическим установкам групп, в различных исторических и географических условиях» (*Маркедонов* 2006: 21).

Продолжая эту мысль и переводя ее в этнографическое русло, отметим, что в последнее время среди отечественных этнологов все более утверждается мнение о том, что этнические группы нужно рассматривать не как однажды и навсегда сформиро-

вавшиеся общности, и тем более не как биологические или социально-исторические организмы, проходящие в своем развитии стадии, подобные стадиям развития живых организмов или природных систем, а как результат развития и взаимодействия человеческих коллективов, личных и групповых форм идентичности, возникающих из самых разных источников в процессе человеческой деятельности (Тишков 2003: 55).

В своем развитии этнические группы нередко подвергаются социокультурным трансформациям, связанным с кризисными, деструктивными ситуациями¹. В процессе адаптации к этим ситуациям в коллективном и индивидуальном сознании людей формируются инновационные моменты, сопряженные с общими особенностями сознания человека: способностью быстро меняться в кризисных ситуациях, нередко опережая события; перерабатывать новую, обрушивающуюся на них информацию, встраивая ее в иные системы ценностей, иное мировоззрение. Социокультурные трансформации, таким образом, представляют собой активную реакцию группы на резко изменившиеся условия внешней среды, сопровождающуюся, в свою очередь, такими же резкими изменениями социальных форм и их культурного содержания.

Донское казачество долгое время рассматривалось исследователями исключительно в рамках эволюционистских подходов. При этом выстраивалась эволюционная цепочка становления и развития донских казаков по пути от вольного племени до казачьей нации. Не только в популярной, но и в научной литературе казачья история нередко преподносится именно в таком ракурсе. Вообще активно идет процесс конструирования казачьей этничности, и сам по себе он достоин самого пристального внимания и изучения. Рождаются исторические и этнические мифы, создается пантеон казачьих героев, оказывается востребованной традиционная культура. Эти процессы – вполне конструктивны и происходят они в рамках так называемого “казачьего возрождения”. Но использование эволюционистского подхода к осмыслению казачьей истории и казачьей этничности породило целый ряд проблем, нередко ставящих в тупик и лидеров казачьего движения, и законодателей, и научное сообщество. Обозначим только некоторые из них.

– Лидеры и активисты казачьего движения то позиционируют себя в качестве народа, то требуют закрепления за казаками особых привилегий (корпоративных, как правило, совпадающих с прежними, сословными). Смешение принципов этничности и сословности наблюдается на всех этапах современного казачьего движения.

– Непоследовательны и инициативы властей всех уровней. Похоже, власти также не могут окончательно определиться в вопросе о сущности современного казачества, а значит и о его месте в общероссийском сообществе. Здесь разброс – от Закона РСФСР 1991 г., включившего казаков в число репрессированных и подлежащих реабилитации народов (Закон РСФСР 1991; Указ 1992) – до создания казачьих обществ, в которые могут записываться все, желающие взять на себя обязательства по несению государственной службы (Федеральный Закон... 2005). Сначала законодатели дали мощный толчок развитию казачьей этничности, а теперь пытаются направить его развитие в русло подконтрольного социального образования.

– Нет определенной и общепризнанной позиции и у исследователей-казачеведов. Здесь разброс тот же: от тех, кто отказывает казакам в этничности, считая их только “временно ожившим сословием”, которому нет места в модернизированной России, до тех, кто активно отстаивает статус и права “особого казачьего народа”.

Вопрос о том, что же возрождается: народ или сословие – остается пока не решенным. Более того, одни говорят об опасности формирования в Предкавказье еще одного народа, другие предупреждают о возможных последствиях возрождения в этой зоне военизированной корпорации.

Сложности казачьего движения обусловлены множеством факторов: это и специфика геополитической ситуации в ЮФО, и амбиции лидеров движения, использующих этничность как ресурс в борьбе за власть, и попытки государственных структур

использовать “казачий фактор” в своих интересах (во всяком случае, взять его под контроль); здесь и реальные проблемы представителей группы донских казаков, живущих в станицах и хуторах и испытывающих потребность ощутить себя частью казачьего сообщества (поиск этнической идентичности актуализируется в условиях краха всех прежних). Но все эти факторы все равно не могут объяснить противоречивой сути современного казачьего движения.

Итак, поставлены вопросы: почему “казачье возрождение” столь противоречиво по своей сути, почему в нем неразделимо переплелись принципы этничности и сословности; в каком русле следует ему развиваться далее, чтобы и выжить как этническому сообществу, и вписаться в модернизационные процессы?

Нам представляется, что ответы на эти вопросы нужно искать в истории формирования и развития идентичности донских казаков. Для этого нужно отойти от эволюционистских подходов и обратиться к теории социокультурных трансформаций. Социокультурные трансформации являются определяющими для понимания культурной специфики донского казачества, на протяжении истории которого неоднократно происходили резкие изменения социокультурной модели.

В этом процессе можно выделить четыре основных этапа:

- 1) “вольных братств” (мужских военизированных сообществ);
- 2) “военно-служилый” (формирование этносословия);
- 3) краха сословности и трансформации этничности;
- 4) “казачьего возрождения” (этничность или сословность?).

Первый этап социокультурных трансформаций на Дону (формирование вольных казачьих братств)

Большинство современных исследователей ранней истории донского казачества склоняется к тому, что его формирование в условиях Дикого Поля началось не ранее XV–XVI вв., во всяком случае, первое упоминание о донских казаках относится к 1548 г. Исследователи полагают, что состав ранних общин был пестрым не только в социальном, но и в этническом и конфессиональном отношении (Мининов 1998: 124–142). Казачьи общины на Дону формировались из выходцев с разных сторон Дикого Поля, главное, что их объединяло – разрыв с прежней средой и обретение статуса вольного воина.

Предпринятое нами исследование культурной специфики ранних казачьих сообществ на Дону позволило прийти к выводу о том, что раннее донское казачество представляло собой **социокультурную группу** (Рыблова 2006). Не соглашаясь с теми, кто определяет раннее казачество как “народ” или “этническую группу” и видит на этом этапе “этничность”, прерванную затем включением вольного Дона в состав Российской империи, мы полагаем, что культурная модель раннего казачества обладала чертами **мужской военизированной организации**. Важнейшие ее характеристики: полиэтничность, однородный половой состав, наличие системы возрастных классов и социального равенства, отказ от производящих сфер хозяйствования в пользу присваивающих (военные набеги и военная служба); коллективная собственность; властные структуры, приближенные к так называемой военной демократии; военизированный уклад жизни; крайняя суженность семейно-брачной сферы жизни.

Не имея возможности подробно охарактеризовать перечисленные специфические черты социокультурной модели раннего казачества, остановимся вкратце лишь на тех, которые нередко замалчиваются или преподносятся в искаженном виде в многочисленных научно-популярных и учебных изданиях последних лет, посвященных истории донского казачества.

Так, немало написано о специфике религиозности раннего казачества, но до сих пор нередко случаи, когда казаки предстают в описаниях исследователей как исто-

вые ревнители православия (Селищев 1992) или же ситуация описывается так, что вывод об изначальной приверженности казаков православию не вызывает никакого сомнения (История донского казачества 2001: 71). При этом о казачьем язычестве, воинской религиозности, казаках-мусульманах и католиках в составе ранних казачьих сообществ, о гонениях на священников, присылаемых из Москвы, о пренебрежении официальной церковью, о значительном числе среди казаков раскольников и пр. авторы работ, написанных в воспитательно-образовательном духе, нередко предпочитают умалчивать.

Еще один спорный вопрос этнографии раннего казачества – о специфике семейно-брачных отношений. Не отрицая наличия на Дону уже в ранний период казачьей истории и женщин, и института семьи, отметим, однако, что не семья, а *односумства* (сообщества мужчин-казаков, совместно проживающих в одном большом жилище) являлись первичной ячейкой раннего казачьего братства. Для этого времени характерен чрезвычайно низкий статус женщин (положение наложниц, жизнь которых ценилась очень мало), сочетающийся с общей сакрализацией гендерных отношений. Ранние казачьи военизированные сообщества, провозглашая первостепенными принципы мужского братства, отрешались от норм и принципов прокреативной зоны – всего, что связано с “семейственностью” и женским миром. При этом маргинальный характер ранних братств обуславливал и маргинальный статус женщин.

Уходящие в Поле принадлежали к разным этническим, конфессиональным и социальным группам, и для того чтобы выжить в экстремальных условиях фронта (зоны между двумя границами, зоны постоянной войны), они должны были выработать такой алгоритм действия, который бы обеспечил превращение шайки изгоев-разбойников в боевые организации с налаженной системой жизнеобеспечения и системой ценностей. В процессе социокультурогенеза казаки создавали в Диком Поле весьма своеобразную модель. Ее складывание происходило при непосредственном влиянии соседних государств (в первую очередь, государств-осколков прежней Золотой Орды и Московской Руси) и того опыта, который уносили с собой уходящие в Поле. Но та модель, которую пытались построить казаки на первых порах, скорее противостояла социальным и культурным моделям, расположенным по разные стороны Поля, нежели копировала их.

Не удастся непосредственно соотнести ранние казачьи сообщества ни с соседскими поземельными общинами, ни с общественным строем Новгородской республики: при наличии многих сходных черт они все-таки от них отличались. Серьезные возражения вызывают попытки некоторых исследователей доказать, что уже в ранний период истории казаков на Дону существовала государственность в форме демократической республики (определяемой даже как парламентарно-президентская) (Фалалеев 2006: 10). По всей видимости, в Диком Поле воссоздавались такие социальные отношения, которые вбирали в себя разные пласты общественного опыта, но существенной (структурной) их основой были весьма архаичные отношения и институты, на что уже указывали такие исследователи, как Н.И. Никитин, А.Л. Станиславский, А.Ю. Дворниченко (Никитин 1986; Станиславский 1990; Дворниченко 1994). “Структурными прототипами” ранних казачьих общин могли стать мужские военизированные сообщества, столь характерные для архаических традиций, располагавшихся по разные стороны Дикого Поля (мужские союзы, братства, комитаты, дружины и пр.).

Маргинальность, напрямую связанная с изменением первичного статуса взрослых мужчин, с их превращением в воинов-бродяг, и архаичность – главные признаки и ранних сообществ, и создаваемой ими культурной среды. Говоря о двух этих признаках, мы должны отметить, что они находились в неразрывной связи, являясь, по сути, формообразующими, составляющими основу культурной модели раннего казачества.

Уходящие в Дикое Поле стремились к тому, чтобы возродить те идеалы и принципы, которые на родине постепенно исчезали, сходили на нет. Бегство и уход в Дикое

Поле были попыткой вернуться в прошлое, представлявшееся в качестве идеальной модели. Возврат к архаике был своеобразной реакцией на происходившие в метрополиях политические, социальные и экономические изменения. Вместе с тем создаваемая культурная модель становилась способом преодоления и принятия и самой кризисной ситуации, и следующих за ней изменений. Иными словами, это была попытка выжить в условиях меняющегося мира путем актуализации привычных культурных форм. Эти формы действительно не нужно было “изобретать” заново, они существовали в метрополии, но, в условиях идущих там перемен, вытеснялись на периферию социальной и культурной жизни. Исследователи раннего казачества неоднократно подчеркивали, что его возникновение было следствием резких политических (в первую очередь), а также экономических и социальных изменений, происходивших по разные стороны Дикого Поля. Так, участие в формировании группы донских казаков тюркского этнического компонента определялось ситуацией кризиса в Золотой Орде (*Тюменцев* 1933: 11–15; 1998: 30–64), также как активный выход части русского населения за пределы Московской Руси – происходившими там политическими и социально-экономическими потрясениями (опричнина, Смута, церковные реформы 1653 г. и пр.) (*Пронштейн* 1961: 34–45). В условиях Дикого Поля решалась сложнейшая задача поиска новой групповой идентичности, создания такой культурной модели, в рамках которой разрушающаяся картина мира заменялась иной, но целостной, понятной и упорядоченной.

С одной стороны, условия экстремальности Дикого Поля вызвали к жизни феномен “вторичной архаики”, с другой, воспроизводство именно этих архаичных структур обеспечивало возможность выживания в новых условиях. Сообщества “экстремалов”, не сумевших востребовать опыт прошлого (а создать нечто принципиально новое в чрезвычайных условиях очень сложно), со временем развеивались по просторам Дикого Поля или прибывались к тем, что смогли самоорганизоваться, опираясь на “опыт архаики”.

Если определять культурную модель как адаптационно-деятельностную, которой непременно присущ внутренний конфликт (*Лурье* 1997: 156–160), то определение *воспроизводство вторичной архаики в условиях экстремального существования* как нельзя лучше отражает суть того функционального конфликта, который успешно преодолевался “младоказаками”: уходя с родной земли от нарастающего политического, социального и религиозного гнета и обретая статус изгоев, они создавали такую социокультурную модель, которая позволяла им обрести новый статус (“царских слуг”); в этом новом статусе они оказывались востребованными оставленной родиной.

С начала XVII в. русский этнический компонент становится на Дону преобладающим, а в числе культурных доминант группы оказалась идея служения России. Уже в рамках этого периода социокультурных трансформаций казачество начинает постепенно превращаться в служилое сословие. Привлечение донских казаков на службу российским правительством, а затем и включение их в социальную структуру населения страны в качестве привилегированного сословия – доказательство того, что группа избрала верную стратегию и тактику на пути поиска новой групповой идентичности и создала такую социокультурную модель, которая нашла свое место в изменившихся условиях в рамках новой структуры. Эта стратегия была направлена именно на выживание в кризисных условиях, а тактика сводилась к тому, что вольный воин, вытесненный на периферию социальной и политической жизни, уходил на периферию пространственную (в пограничные земли) и там обретал новый статус. Но идентификация себя именно в качестве воинов – слуг Отечества приводила к четко проявленной периферийности созданной социокультурной модели.

Далее в культурной модели раннего казачества внутренний конфликт выражался в стремлении, с одной стороны, сохранить свой периферийный (и отчасти автономный) статус, а с другой – вернуться в статусную зону и занять равное положение с другими социальными группами. Не отсюда ли устойчивое стремление части раннего

казачества “перевернуть” Россию, посадить на престол “казачьего царя” и установить в стране “казачью вольницу”, т.е. переместиться из периферийной зоны в статусную, или точнее – перестроить статусную зону в соответствии с периферийной? Однако в дальнейшем формирующаяся казачья элита будет параллельно осуществлять свой собственный проект – стремиться к возврату из периферийной зоны в статусную, жертвуя при этом многими принципами автономии, добиваться привилегий в рамках социальной структуры Российской империи.

Второй этап социокультурных трансформаций на Дону (формирование этносословия)

Нам вряд ли удастся определить точное время окончания первого и начала второго этапов социокультурных трансформаций на Дону, так как в данном случае не удастся точно выявить и указать то событие, которое непосредственно привело к началу трансформаций. Этот процесс шел подспудно, начало его просматривается еще в рамках первого этапа. Внутренний конфликт, заложенный в основу складывающейся у казаков культурной модели, должен был в конце концов проявиться, обретя устойчивую форму и тенденцию дальнейшего развития. Основа этого конфликта лежала во взаимоотношениях Дона с российской государственной системой.

Серьезные изменения в этих отношениях начали происходить после поражения восстания под руководством Степана Разина. Правительство запретило Войску Донскому принимать в свои ряды политических врагов России и обязало его высылать в Москву “пущих завоetchиков” антигосударственной деятельности. Было ограничено Войско и во внешних сношениях. Однако главный удар по самостоятельности Войска был нанесен в августе 1671 г., когда на третьем по счету Кругу после упорного сопротивления удалось все-таки привести казаков к присяге царю Алексею Михайловичу. Присяга еще не означала утраты Войском своей политической независимости, но стала серьезным шагом на пути к этому. Далее последуют новые меры: запрет казакам верховых городков принимать свободных и помещичьих людей; вменение в обязанность воеводам украинских городов наблюдать за легкими и зимовыми станицами на предмет привоза на Дон беглых людей; начнется открытое нарушение экстерриториальности Войска.

После подавления Булавинского восстания правительство Петра I приняло ряд административных мер, направленных на дальнейшее ограничение казачьих вольностей и подчинение Войска государственной юрисдикции. По реформе областного управления 1708 г., донские земли были включены в состав Азовской губ.; в 1716 г. дела Войска из ведения Посольского приказа были переданы в распоряжение Сената, а с 1721 г. – Военной коллегии. В итоге казачество оказалось включенным в состав вооруженных сил Российского государства как иррегулярное войско. Произошло резкое сокращение полномочий войскового круга, сходило на нет его прежнее значение как органа верховной власти на Дону. С 1723 г. круг утратил право избирать войсковых атаманов, а с 1754 г. – и войсковых старшин. К концу XVIII в. завершилась интеграция донских земель и их административное включение в состав Российского государства.

К концу первой трети XIX в. завершился процесс превращения казачества в замкнутое военно-служилое сословие, что нашло отражение в “Положении об управлении Донского Войска”, принятом в 1835 г. “Положение” окончательно утверждало звание войскового атамана за наследником престола, а наказному атаману (назначаемому царем) поручалось непосредственное управление Войском, для чего он наделялся правами военного губернатора и управляющего гражданской частью. “Положение” официально запрещало прием в казаки представителей других групп населения, провозгласив казачество “особым военным сословием”. Представители этого сословия должны были нести воинскую службу и выполнять массу других повинностей за пра-

во пользования земель и некоторые льготы. На этом период существования вольных сообществ на Дону закончился окончательно и бесповоротно. Вольница полностью была поглощена Российским государством.

По мере вхождения казачьего сообщества в социально-политические и экономические структуры Российского государства изменялся и его культурный облик. Изменения касались и экономического уклада (переход к земледелию и скотоводству), и социальной, и семейной сфер (складывание традиционной патриархальной семьи и общины, закрепление сословных характеристик). Превращение казачества в одно из сословий Российского государства способствовало быстрому формированию более гомогенной, чем ранее, культурной среды (единый язык, хозяйственный уклад, материальная и духовная культура). Рамки любого сословия (в отличие от этнической группы) всегда более жесткие, четко обрисованные; они определяются строгим набором прав, обязанностей и привилегий. Для XVIII – начала XX в. донское казачество может быть определено как **этносословная группа**. Этничность казаков в это время развивается в жестких границах сословности. Важнейшую роль в этом процессе играло уникальное, присущее только военно-служилому сословию обстоятельство – наличие единой территории проживания – Области Войска Донского. Территориальный принцип формирования казачьих войск в России способствовал формированию более четких культурных границ, чем это было характерно, например, для российского дворянства или купечества, расселенных дисперсно по огромной территории империи. Этничность и сословность на Дону в этот период тесно переплетаются, а этническое самосознание донских казаков фиксируется и выражается очень четко: “то – казак, а то – Расея”; “казаки произошли от казаков”; “я не русский, я – казак” и пр.

Большую роль в процессе становления и закрепления казачьей этничности в этот период играет формирующаяся донская интеллигенция. Н.А. Мининков уже отмечал, что с середины XIX в. (собственно с момента зарождения донской историографии) казачьи историки создают своими трудами образ казаков как “степных рыцарей”, “когорты невиданных в прошлом героев, имевших самое древнее и высокое происхождение” (Мининков 1998: 13–14).

В истоках казачества донские историки искали какой-либо древний народ, отнекаясь от “неблагородных” социальных корней (беглых крестьян или холопов). По оценке современных исследователей, эти теории, как правило, не подкреплялись источниковой базой, имели ярко выраженную тенденциозную окраску. Так, автор первой истории Войска Донского А. Попов заявил о происхождении донцов от легендарных амазонок (Попов 1814: 1–2; 12–14); полковник В.М. Пудавов настаивал на раннем происхождении донского казачества от азовских казаков, несших службу у хазар еще в VIII–X вв. (Пудавов 1890: 61–78). Но, пожалуй, в наибольшей степени поисками древних и благородных корней казаков увлекся Е.П. Савельев, связавший их происхождение с этрусками и троянцами, примешивая к ним и скифов, и сарматов, и хазар (Савельев 1915: 282–299).

Изменение статуса казаков найдет отражение в текстах литературного происхождения. Идея служения Родине станет в них ключевой. Усилиями донской интеллигенции и простых казаков будет создан своеобразный пантеон героев Дона (генералы Платов, Бакланов, бригадир Краснощеков и др.). Идея верности царю и Отечеству проникнет и в фольклорные тексты. Ермак будет объявлен “казачьим прародителем”, установившим все нормы жизни на Дону, но окончательно они утверждены Иваном Грозным. В XIX–XX вв. на Дону будут распространены фольклорные тексты, представляющие версию и вольного заселения Дона, и его дарованности казакам русским царем (см.: Попов 1884; Тумилевич 1969: 273, 274).

Именно с середины XIX в. начинает складываться обширная донская периодика, создается и активно работает Донской статистический комитет. В это время привлекаются из архивов и публикуются источники по истории и этнографии донского

казачества. Можно сказать, что эта активная деятельность отражала процесс поиска новой идентичности группы. Но вместе с тем происходило конструирование “казачьей этничности”, осуществляемое элитой с целью выхода из затянувшегося маргинального состояния и обретения нового статуса в социальной системе Российской империи. Н.А. Мининков отмечал, что за этим стояло желание нового донского дворянства теснее слиться с дворянством российским (Мининков 1998: 15). Возможно намерение сводилось не к тому, чтобы слиться, а к тому, чтобы сравняться по статусу, сохранив при этом свою специфичность. И тогда в качестве “древних предков” должны были появиться именно “благородные чужие”: этруски, троянцы или скифы. Очевидно одно, переписывание казачьей истории, поиски “благородных” предков, определение себя в качестве отдельного народа – все это было инициировано казачьей элитой, работало на конструирование этничности донских казаков, мобилизовало группу на закрепление уже имеющихся прав и привилегий, а также на обретение новых.

В рамках этого этапа социокультурных трансформаций на Дону окончательно складывается сельская поземельная община, на смену вольнозахватному землепользованию приходит передельно-урavnительное пользование землей. Как и в общерусской традиции, донская казачья община будет выполнять множество функций: являться приходом, регулировать трудовую деятельность и использование природных ресурсов, организовывать самоуправление, сохранять нормы общественного быта и морали, судить и карать провинившихся, организовывать культурную (обрядовую) жизнь и пр.

Активно воспринимает в это время казачья культура и традиции городской среды. Казачья элита способствует быстрой ее европеизации. Большую роль в этом процессе играет православная церковь и школа (см.: Рудиченко 2007: 99–102). В XIX в. значительной станет на Дону роль православных праздников. Станичные и хуторские церкви будут взяты под опеку служилых казаков, делавших (при всяком возвращении из похода) немалые церковные вклады.

Институт патриархальной семьи становится одним из структурных элементов культурной модели казачества этого времени. Весьма примечательно, что развитие форм семьи у казаков будет осуществляться от малой к большой патриархальной (а не наоборот, как в северных и центральных районах России), а затем, со второй половины XIX в., через семейные разделы – опять к малой (см.: Заседателева 1974: 287–306). Возрастание роли семьи сопровождалось расширением внутрисемейных функций женщин, выступавших в качестве хранительниц домашнего очага, женских семейных традиций. Нередко женщины выполняли мужские роли и функции, что было связано с частой и долгой отлучкой мужей. В это время складывается и пышно расцветает женская субкультура. Однако довлеющей по-прежнему остается культура мужская; во всех сферах общинной жизни определяющей остается роль казаков-мужчин.

Общину можно назвать ядром этносословной модели казачества, соединяющим воедино черты сословности и этничности, обеспечивающим и внутреннее функционирование модели, и внешние взаимодействия с общегосударственными структурами. Сословность же станет костяком, основой культурной специфики казаков. Тем больше ударит по казачеству факт отмены сословности в России в 1917 г. и все последующие катаклизмы XX в.

Вернувшись из маргинальной зоны в статусную, казачество должно было теперь на себе испытывать кризисы этой статусной зоны. Однако будучи теперь привилегированным сословием, оно в то же время само стало самым “пережитком”, от которого стране нужно было избавляться в рамках новой модернизации. Исследователи с полным основанием говорят о том, что уже со второй половины XIX в. в стране начался процесс “естественного расказачивания”. Многие характеристики системы казачьего управления, службы, хозяйствования постепенно переходили в разряд анахронизмов. Новая модернизация требовала отмены сословности, условного держания

земли и военной службы за нее, то есть всего того, что было основой социальной составляющей сути российского казачества. Умирала система, частью которой (после долгих усилий) стало казачество, но в таком случае на гибель было обречено и само казачество, по крайней мере, в том виде, в каком оно существовало как группа в XIX в. Это была бы вполне “естественная смерть”, предполагавшая отмирание сословности и дальнейшее развитие этничности, совершившееся на фоне окончательного утверждения на Дону буржуазных политических и экономических институтов. Но бурные и страшные события начала XX в. направили развитие казачества в иное русло, знаменовав начало третьего этапа социокультурных трансформаций на Дону.

Третий этап социокультурных трансформаций на Дону (крах сословности и трансформация этничности)

В начале XX в. с крахом Российской империи и вхождением страны в состояние тяжелейшего и затяжного кризиса (революция, гражданская война, социалистическая модернизация) последовал также и крах прежней идентичности донских казаков. Пришедшие к власти большевики насильственно разрушили прежнюю социокультурную модель казаков, взяв курс на полное уничтожение казачества как социального и культурного явления. Важнейшие события этого периода – политика расказачивания и последующая коллективизация. Стоит отметить, что репрессивная политика большевистского правительства по отношению к казачеству имела в первую очередь социальную (классовую), а не этническую направленность. Важнейшую роль в переходе большевистского правительства от попыток сотрудничества с казачеством к репрессиям сыграла большевистская идея классовой борьбы и позиция самого казачества, вставшего в ряды белого движения. Однако не последнее место в этом процессе занимало противостояние казаков и неказаков (иногородних, донских крестьян) в вопросе о земле.

За годы советской власти была полностью уничтожена социальная (сословная) составляющая казачьей идентичности. Этническая составляющая уничтожена не была, но сильно трансформировалась. Символом казачьей идентичности советского времени стал расхожий афоризм: “Дед был казак, отец – сын казачий, а я – хвост собачий”. О том, что специфика казачьей культуры сохранялась до конца XX в., свидетельствуют материалы фольклорных, диалектологических и этнографических экспедиций (донской говор, фольклор, отдельные элементы материальной и духовной культуры). Верно и то, что набор объективных признаков резко сокращался, а культурная грань между казаками и неказаками становилась все более трудноразличимой.

Интересным представляется то обстоятельство, что в середине 1930-х годов советское правительство начинает вдруг разыгрывать “казачью карту”, приступив к формированию казачьих кавалерийских дивизий в составе РККА (Кривоно 2006). Означало ли это (в рамках официального дискурса) признание того, что больше нет казачества как контрреволюционной силы, а есть казачество как народ или этническая группа в дружной семье других советских народов; стояло ли за этим только стремление использовать традиционный воинский потенциал казаков накануне грядущей войны – сказать трудно. Во всяком случае, это не было попыткой вернуться к элементам былой казачьей сословности. Складывается впечатление, что это был своеобразный конструкт: казачество использовалось новой властью как своего рода бренд – показатель успешности новой социальной (классовой) политики. Обескровив казачество за годы репрессий, власти по-новому репрезентировали его, поставив на службу своим интересам отдельные элементы яркой казачьей культуры, в которой воинственность и патриотичность были важнейшими составляющими.

Этнография казачества советского периода до настоящего времени остается зияющей лакуной в казачеведении. Возродившиеся с начала 1980-х годов полевые этно-

графические исследования были ориентированы на изучение почти исключительно так называемой традиционной культуры казаков. Мы с большим рвением изыскивали и записывали рассказы об обычаях и обрядах казаков дореволюционного времени и слишком поздно (лишь в самом конце XX – начале XXI в.) приступили к изысканиям в области “устной истории” и культуры казаков советской эпохи. Возможно, в самое ближайшее время нам и удастся заполнить эту лауну, но это уже будет другая работа, для ее выполнения понадобится объединить усилия целого творческого коллектива.

Отметим лишь, что в течение этого этапа в культурной модели казаков происходит очередное смещение вектора оси гендерных отношений. Яркая донская обрядность не исчезает полностью за годы гонений, она лишь перемещается из публичной зоны в приватную, в рамки дома и семьи. И главными хранительницами древних традиций становятся женщины. Именно они продолжают исполнять большинство обрядов календарного и жизненного циклов. Более того, эта обрядность развивается, нередко прирастая новыми элементами и чертами. Параллельно на Дону складываются культурные традиции “социалистического строя”. Советская элита по указу сверху приложит немало стараний, чтобы последняя все более вытесняла традиционные для казачества культурные формы, но, как покажет жизнь, довести это до конца ей не удастся.

Далее ограничимся констатацией того очевидного факта, что почти три поколения казаков росли и формировались в рамках “советской” культурной модели; ее господство предопределило гибель или коренную трансформацию не только казачьей, но и многих других, характерных для Российской империи, идентичностей. Этим обусловлена сложность следующего периода в развитии (или возрождении?) казачьей идентичности и социокультурных трансформаций на Дону.

Четвертый этап социокультурных трансформаций на Дону (“казачье возрождение”)

Четвертый этап начался с момента зарождения так называемого казачьего “возрожденческого” движения, т.е. в конце 80-х годов XX в. Развал Советского государства привел к очередному разрушению привычной модели мира, к утрате многих групповых и индивидуальных идентичностей, сложившихся в условиях социалистического строя, а значит – и к поиску новых. В этих условиях современное казачество возрождает прежние алгоритмы организации казачьих сообществ: в движение активно вливаются не только потомки казаков, но и представители самых разных этнических и социальных групп. По мнению Л.Г. Ионина, казачество использовало организационные формы, которые, оставшись в глубинах социальной памяти, сохранялись как “зародышевые формы”. Он назвал их также “свободно парящими”: “они предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности” (Ионин 2000: 250). Но тогда встает вопрос правильности выбора: обеспечит ли избранная форма реализацию социального интереса “неоказаков”? Совпадет ли этот групповой интерес с общим направлением общественного развития страны? И тут мы подходим к выявлению очередного парадокса в истории казачества и казачьей идентичности.

Многие наблюдатели раннего казачьего движения воспринимали его как исключительно социальное. Действительно, изначально движение было открыто для представителей разных этносов и этнических групп. Для вступления “в казаки” совсем в стиле ранних казачьих сообществ было достаточно проявить наличие некоего “казачьего духа”, высказать готовность встать в строй. Требования лидеров казачьего движения сводились к возврату к таким культурным и организационным формам, которые уже давно отброшены историей (общинное землевладение, атаманское правление, суд стариков, войсковые структуры и пр.), а главное – связаны именно с сословной составляющей культурной модели прежнего казачества. И презентацию своего группового

интереса “неоказаки” осуществляли (и продолжают осуществлять) с использованием таких “мужских” форм и приемов, как парады, военная форма, воинские знаки отличия и пр., что не способствует активному участию в этой презентации женщин-казачек и не дает веских оснований называть это движение собственно этническим.

Отметим, наконец, что казачье движение начало оформляться в ситуации тяжелейшего социально-политического и экономического кризиса, когда в одночасье обществом оказалась невостребованной значительная часть ее членов, преимущественно мужчин. Но, оставив за скобками тех, кто изначально преследовал четко осознаваемые политические и иные цели, отметим, что большинство участников этого движения на начальной стадии его формирования испытывало серьезные проблемы адаптации к изменившимся условиям существования на волне новой модернизации. Так что позиция, которая приводила их в конечном счете в казачье движение, во многом была позицией людей, отторгнутых реформирующимся сообществом; не имеющих еще четко осознаваемого интереса, но движимых поисками такового.

Парадоксально, но в конце XX – начале XXI в. буквально на наших глазах разворачивался все тот же знакомый сценарий: в условиях очередного кризиса и следующей за ним модернизации часть членов социума мужского пола пытается разрешить сложную ситуацию путем отката в глубокую арханку. Вопрос о том, насколько это во многом “мужское” и социальное движение соотносится с реальными интересами этнической группы донских казаков, пока остается открытым.

Вместе с тем сами участники движения вполне осознавали себя борцами за возрождение казачьей этничности. Именно в это время (конец 1980 – начало 1990-х годов) получил широкое распространение тест-вопрос “Народ ли донское казачество?”, звучавший, скорее, как утверждение. Не случайно уже в ранний период было сформулировано требование реабилитации казачества как ранее репрессированного народа. В настоящее время идет мощный процесс конструирования казачьей этничности с использованием широких возможностей научно-популярной и художественной литературы, периодики и телевидения. Весьма примечательно, что одной из первых была переиздана уже упоминаемая нами книга Е. Савельева, обосновывавшего идею о весьма “глубоких” и “благородных” корнях казачьего народа.

В реальности разобраться в конечных целях и задачах казачьего движения не так-то просто. На наш взгляд, фактически движение обратилось к тем “зародышевым формам”, которые были связаны с предшествующими этапами развития социокультурной модели казачества. Рамки казачьего движения были и остаются открытыми, как это было в период сложения первых казачьих сообществ на Дону в эпоху средневековья. В то же время организационные формы и лозунги движения дают основание считать, что современное казачество пытается вернуть себе статус этносословной группы имперской эпохи.

И без того запутанная ситуация была осложнена законодательной и административной деятельностью федеральных и местных властей, оказавшихся не готовыми к адекватному восприятию нового явления в общественной жизни страны. Власти демонстрировали непоследовательность в отношении законодательных инициатив, подогревая тем самым амбиции лидеров казачьего возрожденческого движения.

В институализации казачьего движения важнейшую роль сыграл принятый в 1991 г. Закон РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”, а также Указ Президента РФ “О мерах по реализации закона “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества” 1992 г. Закон 1991 г. определил казачество как **культурно-этническую общность** людей, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы, геноцида и т.д. (Закон РСФСР 1991). В Указе 1992 г. были сформулированы организационные принципы казачьего возрождения. Основой его должны были стать казачьи общества, имевшие, согласно трактовке разработчиков Указа, двойственную

природу: являлись общественными организациями и, в то же время, могли нести военную и другую “государственную службу” (Указ 1992). Так, несмотря на предложенную (весьма неопределенную) характеристику казачества как “культурно-этнической общности”, был закреплен статус казаков именно как этносословной группы.

По мнению О.В. Рвачевой, внутренняя противоречивость законодательных актов была обусловлена “сущностной неопределенностью казачества как особого явления в истории России” (Рвачева 2006: 87). Мы бы уточнили: в тот момент она была обусловлена непониманием противоречивой сущности казачества; в дальнейшем к этому прибавится желание взять под контроль казачье движение, а возможно, и использовать его как ресурс в решении сложных геополитических проблем, прежде всего на Юге России. Но исследовательница отметила и обратную зависимость: законотворчество, связанное с проблемами казачества, стало одним из способов конструирования социальной реальности и дало новый импульс развития казачьему движению. Апеллируя к Закону 1991 г. о реабилитации репрессированных народов, лидеры движения стали выдвигать требования политической и территориальной реабилитации казачества. В октябре 1991 г. на II Большом Круге была принята резолюция “О восстановлении незаконно упраздненного национально-государственного образования в составе РСФСР” и “О восстановлении Донской республики” (см.: Рвачева 2006: 87)².

Государство же в дальнейшем взяло курс на то, чтобы ввести казачье движение в более жесткие правовые рамки и установить над ним контроль. С этой целью был создан государственный реестр казачьих обществ, взявших на себя обязательства по несению государственной службы. В 1995 г. вышел Указ Президента РФ “О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации”; в 1996 г. Указы “О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе”, “Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы” и “Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе”.

В октябре 1996 г. было создано Войсковое казачье общество “Всевеликое войско Донское” – принципиально новая организация с функциями государственной службы. Затем начался процесс формирования станичных и хуторских казачьих обществ на территории Волгоградской и Ростовской областей. С этого времени “возрождение” донского казачества стало осуществляться путем приобщения его к государственной службе.

Совершенно очевидно, что в настоящее время власти пытаются превратить казачье движение в чисто социальное. Совсем недавно определявшие казачество как этническое сообщество, теперь законодатели выводят новую формулу: российские казаки – это **граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ**. Это определение дано во 2-й статье Федерального Закона “О государственной службе российского казачества” 2005 г. Далее в законе определяется понятие “казачье общество” – это добровольное объединение граждан Российской Федерации в форме некоммерческой организации, образованное в соответствии с федеральным законодательством, внесенное в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и члены которого в установленном порядке приняли на себя обязательства по несению государственной или иной службы” (Федеральный Закон... 2005).

Как видно, этническая составляющая российского казачества в этом законе проигнорирована полностью, более того, очевидна тенденция к ее дальнейшему размытию за счет привлечения в казачье общества всех желающих, вне зависимости от этнической принадлежности. Вместе с тем законодатели открыли путь к реализации не просто социальных, а именно сословных (корпоративных) принципов казачества, главный из которых – “государственная служба” за определенные права и привилегии. И в настоящее время федеральные и местные власти поощряют возрождение в местах традиционного проживания казачества тех организационных, культурных и админи-

стративных форм, которые связаны с сословной составляющей прежнего казачества, закрепляя за казаками (а вернее, за теми, кто вступил в казачье общество) новые привилегии, тем самым противопоставляя их другим социальным группам.

Знаком и сценарий, разыгрываемый официальной стороной, пытавшейся использовать вновь нарождающуюся вольницу в своих политических целях, тем более что этому очень способствовало то обстоятельство, что часть российских территорий, только что бывших внутренними, превратилась в области пограничные или граничащие с зонами вооруженных конфликтов. Используя старый, проверенный прием привлечения части казачества на свою сторону с помощью государственной службы, официальные власти пытаются нейтрализовать движение, направить его в “нужное” русло.

Какой результат дала эта политика на сегодняшний день? В определенном смысле власти добились раскола в рядах движения: значительная часть его (представленная в основном “показаченными” чиновниками всех уровней) принялась использовать открывшийся административный ресурс. Основная масса рядовых участников движения разочарована: по их мнению, преданы этнические интересы донского казачества. Наиболее искушенные в политике готовы на компромисс: воспользоваться предлагаемым федеральными властями ресурсом, но использовать его для осуществления конечной цели: политической и территориальной реабилитации. Что касается “этнического большинства” (жителей казачьих хуторов и станиц) то, как показали проведенные нами летом 2007 г. пилотажные этносоциологические обследования, оно, в основной своей массе, очень далеко от политических расчетов и административных мер по “возрождению казачества”³. Проблемы собственной этничности пока оттеснены здесь проблемами общероссийскими: экономическими и социальными. Однако ситуация может измениться, а потому нуждается в дальнейшем мониторинге.

Попробуем спрогнозировать возможные риски осуществляемой государственной властью “казачьей политики”. Главная проблема заключается в том, что возрожденческое движение не перестало быть этническим. Этническая составляющая никуда не делась (сами же власти ее и спонсировали на начальном этапе). Теперь же усилена социальная (корпоративная) составляющая. Национальная идея в голове и оружие в руках – это очень опасная комбинация. Совсем не обязательно, что эта опасность будет реализована, но рано или поздно общество и власти встанут перед проблемой этнокультурной группы, наделенной особыми полномочиями в сфере государственной (военной, по преимуществу) службы. И это вне зависимости от того, в какую сторону будет обращено оружие, так как казачий Дон давно уже перестал быть пограничной территорией Российского государства, а государство это взяло курс на построение гражданского общества, в котором равными правами должны обладать и отдельные граждане, и этнические группы.

Если же оценить положение современного казачества в свете теории социокультурных трансформаций, то придется констатировать, что в XXI в. в условиях кризиса и затяжных реформ вновь осуществляется возврат к старым, привычным культурным и организационным формам, основанным на принципах корпоративности, общинности. Усиление “инстинкта прошлого” в кризисных условиях, очевидно, явление универсальное. Оно может проявляться и в “возрождении этничности”, и в возврате к архаичным социальным организациям. Специфика современного донского казачества заключается в том, что оно пытается реализовать этническое посредством возврата к устаревшим социальным формам. Однако для выполнения этой программы нужно вернуть прежнюю Россию – с сословным строем, общинным землевладением и условным держанием земли. Проект перестройки всей России по типу казачьей вольницы уже пытались осуществить в свое время казачьи бунтари Разин и Булавин. Помешала им не только российская власть, но и тогдашняя казачья элита, взявшая курс на инкорпорирование в социальную и политическую структуру Российского государства. Мы

уже видели, как вольница была в конечном счете поглощена государством. Прибирает к рукам “казачье возрождение” и нынешнее Российское государство. При всей противоречивости и непоследовательности государственной политики в отношении казачества стоит отметить и ее явный успех: лидеры казачьего движения в настоящее время отходят от крайних националистических позиций (провозглашение себя особым народом, требование независимого Дона и пр.) и предпочитают позиционировать казаков как “неотъемлемую часть русского народа”, верных слуг Отечества. (Как к исконным патриотам и защитникам интересов России апеллируют к современному казачеству и государственные власти, вновь широко используя казачий бренд.)

Еще недавно требовавшие признания за казаками статуса отдельного народа, приветствовавшие Закон 1991 г., теперь лидеры движения гораздо более рады за фактическое закрепление статуса сословия, не оставляя, впрочем, надежд на возрождение в перспективе Области войска Донского. В настоящее время они не желают ставить “казачий народ” на одну доску с также репрессированными “народами кавказскими” и предлагают уже иную тактику движения, цель которой – сыграть на “кавказском факторе”. Так, автор статьи в журнале “Казаки” (Орган организации “Центральное казачье войско”) разъясняет собратьям необходимость бороться за статус “особого сословия русского народа”: “формулирование задачи достижения особых прав казаками, как особого народа, есть задача неосуществимая. Ни одному народу в стране никаких особых прав не будет даровано уже потому, что это противоречит Конституции. Иное дело – выделение особого слоя населения страны, который несет определенную службу и имеет за это определенные льготы” (*Ястребов* 2006: 24).

Как видим, власти достигли определенных успехов в переориентации казачьего движения с этнических приоритетов на социальные. Однако крен в эту сторону чреват не менее серьезными последствиями. Представляется чрезвычайно важным, чтобы, предотвращая появление в Предкавказье еще одного “особого народа” с собственной государственностью, власти не создали здесь особой этнокорпорации служилых казаков. Необходимо помнить, что насильственное разрушение культурной модели казачества произошло тогда, когда оно пребывало в статусе этносословной группы. В таком случае в нынешних условиях спонсирование социальной составляющей современного казачества с неизбежностью будет работать на возрождение его этничности, то есть на воссоздание если не этносословия, то во всяком случае этнокорпорации.

Очень хотелось бы надеяться на то, что “инстинкт прошлого” и откат в архаику части реформируемого сообщества все-таки не приведет к откату назад всего сообщества. Зная опыт прошлого, понимая сложность и неоднозначность развития социокультурных и этнических процессов, понимая значительную роль в этих процессах различного рода конструкций, можно и нужно прогнозировать возможные варианты развития и управления этими процессами. Главное, чтобы при этом учитывались интересы и законные права всех граждан вне зависимости от их этнической и социальной принадлежности.

Если же говорить о реальных проблемах не “казачьего движения”, а всего донского казачества, то тут мы согласимся вполне с мнением тех, кто видит его дальнейшее развитие только по пути освобождения от сословности (*Козлов, Козлов* 2004). У нынешнего немногочисленного донского казачества есть перспектива слиться с русским народом, утратив свою самобытность, но есть и возможность сохранить свою культурную специфику. Главная задача и законодателей, и всего общества – обеспечивать право на свободное самоопределение в этих вопросах любой этнической группе, но при условии реализации именно этнических запросов. Вполне можно согласиться и с мнением М.А. Кутузова, который считает, что современному казачеству необходимо выработать новую парадигму развития, в которой “собственные интересы казачества будут выражены как составляющая интересов нации – и эта составляющая будет выработана через компромисс казаков и неказаков внутри одной страны” (*Кутузов*).

Примечания

¹ Концепция системной трансформации возникла при описании социально-экономических и культурных изменений, происходящих в постсоциалистических государствах. В свою очередь, трансформационная концепция опиралась на разработанную ранее теорию модернизации, которая использовалась для объяснения процессов, происходящих в традиционных бывших колониальных странах, стремящихся (после получения независимости) приобрести черты современных развитых обществ. Со временем в обобщенном виде эти концепции были расширены и стали именоваться теорией системной трансформации общества.

² См. подробнее историю формирования законодательной базы по современному казачеству (Табolina 1999а; Таболина 1999б).

³ Было опрошено 200 человек – жителей Серафимовичского р-на Волгоградской обл.

Литература

- Бромлей 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Водолацкий и др. 2005 – Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: Очерки истории и культуры. Ростов н/Д, 2005.
- Глуценко 2006 – Глуценко В.В. Казачество Евразии: Зарождение, развитие, интеграция в структуре российской государственности. М., 2006.
- Дворниченко 1994 – Дворниченко А.Ю. О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 107–110.
- Закон РСФСР 1991 – Закон РСФСР от 26 апреля № 1107-1 “О реабилитации репрессированных народов” // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18.
- Заседателева 1974 – Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974.
- История донского казачества 2001 – История донского казачества: Учебное пособие / Отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д, 2001.
- Ионин 2000 – Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Казачий Дон 1995 – Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. Ростов н/Д, 1995.
- Козлов, Козлов 2004 – Козлов А., Козлов А. Ряженые // Родина. 2004. № 11.
- Кринио 2006 – Кринио Е.Ф. Советская политика в отношении казачества в 1930–1940-е годы: смена приоритетов или корректировка курса? // Казачество в южной поместине России и Причерноморском регионе. Тез. междунар. научн. конф. Ростов н/Д, 2006. С. 48–51.
- Кутузов – Кутузов М.А. Казачество: новая парадигма развития // www.archipelag.ru/ authors/kutusov/?library=1140/
- Лурье 1997 – Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
- Маркедонов 2006 – Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Казачество России: прошлое и настоящее. ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, 2006.
- Мининков 1990 – Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // Савельев Е.П. Средняя история казачества (Историческое исследование) Ч. 2. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. Ростов н/Д.: Памятники Отечества, 1990. С. 300–309.
- Мининков 1998 – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.
- Никитин 1986 – Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков в XVII в. // История СССР. 1986. № 4. С. 177–187.
- Озеров 2006 – Озеров А.А. Возрождение казачества в современном российском обществе: моделирование процесса и перспективы // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов н/Д, 2006. С. 90–95.
- Попов 1814 – Попов А. История о Донском Войске. Кн. 1. Харьков, 1814.
- Попов 1884 – Попов Х. Предания старины // Казачий вестник. 1884. № 79.
- Пронштейн 1961 – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961.
- Пудапов 1890 – Пудапов В. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.
- Рвачева 2006 – Рвачева О.В. Законодательные акты как способ конструирования социальной реальности (на примере современных проблем казачьего возрождения в Ростовской и Вол-

- гоградской областях) // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов н/Д, 2006. С. 86–89.
- Рудиченко* 2007 – *Рудиченко Т.С.* Роль российского государства в становлении и развитии культуры казачества // Казачество Юга России в процессах становления и развития Российской государственности. Тез. регион. науч.-практ. конф. Ростов н/Д; Волгоград; Урюпинск, 2007. С. 99–102.
- Рыблова* 2006 – *Рыблова М.А.* Донское братство: Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград, 2006.
- Савельев* 1915 – *Савельев Е.П.* Средняя история казачества. В 3-х ч. Ч. 3. Новочеркасск, 1915.
- Сборник 2005 – Сборник Национального Совета донских казаков. Ростов н/Д, 2005.
- Селищев* 1992 – *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия: дорогами прошлого. М., 1992.
- Скрынников* 1986 – *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.
- Станиславский* 1990 – *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
- Табolina* 1999а – *Табolina Т.В.* Проблемы современного казачества: 1980–1990 гг. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Табolina* 1999б – *Табolina Т.В.* Казаки: драма возрождения. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Тишков* 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Токарев* 1978 – *Токарев С.А.* Основы этнографии. М., 1978.
- Тумилевич* 1969 – *Тумилевич Т.И.* Антифеодальные мотивы в донских преданиях о Ермаке. Ростов н/Д, 1969. С. 273–274.
- Тюменцев* 1933 – *Тюменцев И.О.* Зарождение казачества на Дону и Волге // Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1933. С. 11–15.
- Тюменцев* 1998 – *Тюменцев И.О.* Зарождение казачества и заселение Прихоперья в XV–XVII вв. // История и природа Урюпинского края. Урюпинск, 1998. С. 30–64.
- Указ 1992 – Указ о мерах Президента РФ по реализации закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества” // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 25.
- Фалалеев* 2006 – *Фалалеев А.В.* Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (конец XV – первая четверть XVIII в). Автореф. дис. ... к.и.н. Волгоград, 2006.
- Федеральный Закон... 2005 – Федеральный Закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ “О государственной службе российского казачества” // Российская газета. 8 декабря 2005 г.
- Федотов* 2003 – *Федотов А.* История казачества от Рождества Христова до наших дней. Ростов н/Д, 2003.
- Черницын* 1992 – *Черницын С.В.* Донское казачество: этнический состав и этнические процессы (XVIII–XIX вв.): Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1992.
- Ястребов* 2006 – *Ястребов Я.* Казачество России в XXI веке: Защита Отечества или “кружок по интересам”? // Казаки. 2006. № 4–5. С. 22–26.

M.A. Ryblova. The Don Cossacks: Toward the Issue of “Origins” and Social-Cultural Transformations

Keywords: history of Don Cossacks, ethnicity, sociocultural specificity, contemporary condition

The culture and history of the Don Cossacks over the period from the sixteenth to the early twenty first century is viewed in the article through the prism of the theory of social and cultural transformations. The author distinguishes four stages of the transformation process in the Don region and traces down the changes of the social and cultural model within the framework of each stage.